
Тук
и
потерянная ракушка
Тупики с Острова Пухов
Ксения Степанова

Ксения Степанова

Тук и потерянная ракушка

https://litres.ru/74763947
SelfPub; 2026

Аннотация

Тук и потерянная ракушка

Серия «Тупики с Острова Пухов». Книга 1

Тук — маленький любопытный тупик, который живёт на Острове Пухов только четыре месяца в году. Скоро осень, а значит — пора улетать в океан на целых восемь месяцев. Перед отлётом тупики устраивают Пуховый фестиваль, и каждый приносит на него своё «самое-самое» — вещь, которая будет напоминать о доме.

Тук находит на пляже розовую ракушку с завитком и решает, что это и есть его «самое-самое». Но по дороге к подруге Пипе ракушка таинственным образом исчезает. Чтобы найти её, Туку придётся обратиться за помощью к друзьям, заглянуть в хранилище потеряшек ворчливого краба Щипа, встретиться с чайкой Тётей Шторм и даже починить маяк — хотя он совсем не умеет чинить маяки.

Это тёплая история о том, что терять не стыдно, просить помощи — не страшно, а дом — это не всегда место. Иногда дом — это те, кто рядом.

Для детей 5–9 лет. Подходит для чтения вместе с родителями и для первого самостоятельного чтения.

Содержание

Пролог. Остров Пухов 5
Глава 1. Утро на Острове Пухов 9
Глава 2. Пипа и карта 18
Глава 3. Нора краба Щипа 26
Глава 4. Тётя Шторм на площади 35
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Тук и потерянная ракушка

Пролог. Остров Пухов

Есть на свете остров, который не всякий найдёт на карте. Он маленький, круглый, похожий на пуховую подушку, забытую на синем одеяле моря. Называется он Остров Пухов.

И живут на нём тупики.

Только не думай, что тупики живут на острове всегда. Они живут на нём **лето**. Каждую весну, когда море теплеет, а дни становятся длинными, тупики прилетают сюда из далёкого океана. Садятся на песок, отряхивают пёрышки, оглядываются — и радуются. Снова дома.

А в конце лета, когда первые гуси тянутся на юг и в воздухе появляется особенный, чуть горьковатый запах осени, тупики собираются в стаю и улетают обратно — в океан. И проводят там **восемь месяцев**. Восемь месяцев над волнами, в воде, в небе, на чужих берегах. Восемь месяцев без родной норки, без Ракушечного пляжа, без маяка Дядюшки Ветра.

Вот так они и живут: **четыре месяца на суше, восемь — в океане**. И так — каждый год. И так было всегда, сколько тупики себя помнят.

На суше у них много дел. Надо вырыть норку, натаскать в неё мягкой травы, научиться нырять за рыбой, починить

старый маяк, поругаться с чайками, помириться с чайками, съесть лепёшку Дедушки Клюва. Четыре месяца — это очень мало для всех этих дел. Поэтому тупики торопятся. Поэтому каждое утро на острове кто-нибудь стучит молотком, кто-нибудь кричит, кто-нибудь что-нибудь теряет.

А в самом конце лета, перед тем как улететь, тупики устраивают **Пуховый фестиваль**. Это большой праздник. На нём бывают гонки на волнах, танцы вокруг маяка, конкурс «Кто громче крикнет чайке» и, конечно, большой пикник. Но главное на фестивале — не гонки и не пикник. Главное — традиция.

Каждый тупик приносит на фестиваль **что-то особенное**. Своё самое-самое. То, что он возьмёт с собой в океан. То, что будет напоминать ему о доме все восемь месяцев, пока он будет лететь над волнами, спать на воде и пережидать шторма. Это может быть гладкий камешек. Может быть пёрышко. Может быть ракушка, которая гудит, если приложить её к уху. Но это обязательно должно быть **самое-самое**.

Потому что в океане бывает холодно. И страшно. И одиноко. И тогда тупик достаёт своё самое-самое, смотрит на него — и вспоминает: у меня есть дом. У меня есть друзья. У меня есть куда вернуться.

В этом году на Острове Пухов жил маленький тупик по имени Тук. Он прилетел весной вместе со всеми, вырыл норку, научился нырять — правда, не очень глубоко, — и очень

полюбил завтракать лепёшками Дедушки Клюва.

И вот однажды утром, за три дня до фестиваля, Тук проснулся и понял: у него **нет** самого-самого. Совсем нет. Ни камешка, ни пёрышка, ни ракушки. А без самого-самого фестиваль — не фестиваль. И в океан лететь — не с чем.

— Ничего, — сказал себе Тук. — Сегодня отличный день для приключений. Сегодня я обязательно что-нибудь найду.

Он поправил пёрышки на груди, выглянул из норки и посмотрел на небо. А в небе, высоко-высоко, уже тянулась на юг длинная вереница гусей. Они летели и кричали. И в этом крике было что-то такое, от чего у Тука защекотало в животе.

Осень стояла где-то рядом, за морем, и ждала.

А Тук ещё не знал, что найдёт своё самое-самое уже сегодня. И что потеряет его тоже сегодня. И что весь этот путь — от находки до потери и обратно — научит его кое-чему очень важному.

Но об этом — в первой главе.

Глава 1. Утро на Острове Пухов

Тук проснулся от того, что кто-то щекотал ему нос.

Он чихнул так громко, что с потолка норки посыпался песок. Пёрышко чайки, которое он вчера принёс домой, лежало прямо на подушке и качалось от сквозняка.

— Ну вот, — сказал Тук. — Уже приключение.

Он выбрался из норки, потянулся, поправил пёрышки на груди и выглянул наружу.

Над Островом Пухов поднималось солнце. Большое, тёплое, как жёлтый блин, оно блестело на море так, что хотелось зажмуриться. На Пуховой площади уже кто-то стучал молотком. Пахло водорослями, песком и чем-то сладким — наверное, Дедушка Клюв пёк свои знаменитые ракушечные лепёшки.

Но что-то было не так.

Тук не сразу понял, что именно. Солнце светило ярко, море блестело, лепёшки пахли. А всё равно что-то было не так.

Он прислушался.

Обычно утром на острове стоял весёлый гомон: тупики перекликались, чайки спорили, краб Щип стучал в двери с новостями. А сегодня было тихо. Только море шуршало у берега. И где-то далеко, у самого горизонта, кричала стая гусей — они летели на юг.

Тук посмотрел на небо. Гусей он увидел сразу: длинная

вереница, как чёрная нитка на голубом. Они летели и кричали. И в этом крике было что-то такое, от чего у Тука защекотало в животе.

Осень. Она ещё не пришла, но уже стояла где-то рядом, за морем, и ждала.

— Тук! — раздалось из соседней норки. — Ты чего застыл?

Из норки высунулся Бублик. В клюве у него была рыбка, и он жевал её так сосредоточенно, будто решал очень важную задачу.

— Гуси летят, — сказал Тук.

— Ну и пусть летят, — сказал Бублик, прожевав. — У них свои дела.

— Они летят на юг. Значит, скоро осень.

Бублик перестал жевать. Он посмотрел на небо, потом на Тука, потом снова на небо.

— Осень, — повторил он. — А потом что?

— Потом мы улетаем, — сказал Тук. — В океан. На восемь месяцев.

— Восемь месяцев, — повторил Бублик. — Это долго.

— Это очень долго.

Они постояли молча. Из норки Дедушки Клюва донёсся запах лепёшек, и Бублик встрепенулся.

— Ладно, — сказал он. — До осени ещё есть время. Пошли завтракать.

Но Тук не двинулся с места. Он смотрел на гусей и ду-

мал. Думал про то, что через три дня — Пуховый фестиваль. А после фестиваля — прощание. И не просто прощание, а прощание с домом. На восемь месяцев. С норкой, с пляжем, с маяком. С Пипой. С Бубликом. С Дедушкой Клювом.

Конечно, они полетят вместе. Все тупики летят вместе. Но всё равно — восемь месяцев без Острова Пухов. Восемь месяцев над волнами, в воде, в небе, на чужих берегах. Без знакомых камней. Без любимой лужи. Без Пуховой площади.

— Ты чего? — спросил Бублик, который уже успел дойти до площади и вернуться. — Лепёшки стынут.

— Я думаю, — сказал Тук.

— О чём?

— О том, что я хочу, чтобы этот фестиваль был самым лучшим. Чтобы запомнить его на все восемь месяцев. Чтобы потом, когда будет холодно и страшно, вспоминать и согреваться.

Бублик посмотрел на него очень серьёзно. Потом кивнул.

— Тогда надо подготовиться, — сказал он. — Как следует подготовиться.

— Как?

— Ну, — Бублик задумался. — Во-первых, лепёшки. Во-вторых, гонки. В-третьих… — он почесал клювом крыло, — в-третьих, что-то особенное. Каждый тупик приносит на фестиваль что-то особенное. Своё самое-самое. Ты уже придумал, что принесёшь?

Тук задумался. Он об этом ещё не думал. У него было

много всяких штук: стеклянный шарик, обкатанный волнами до гладкости; пёрышко чайки, которое щекотало нос; ракушка, которая гудела, если приложить её к уху. Но «самое-самое» — такого у него не было.

— Нет, — сказал он честно. — А ты?

— И я нет, — вздохнул Бублик. — А без самого-самого фестиваль не фестиваль.

Он ушёл в норку и вернулся с целой охапкой сокровищ. Тут были и камешки, и ракушки, и даже чей-то потерянный гребешок. Бублик разложил всё это на песке и посмотрел с гордостью.

— Вот, — сказал он. — Выбираю.

Тук посмотрел на его сокровища. Потом на свои — он тоже вынес их из норки. Стеклянный шарик блестел на солнце. Пёрышко качалось на ветру. Ракушка гудела, если приложить к уху.

— Ничего не подходит, — сказал Тук.

— И у меня, — согласился Бублик. — Всё какое-то… не то.

— Не то, — повторил Тук.

Он смотрел на свои сокровища и думал: вот бы найти что-нибудь такое, что запомнится навсегда. Что будет со мной в океане. Что будет напоминать о доме. Не просто красивую вещь, а такую, чтобы — раз! — и сердце застучало.

— Я пойду на Ракушечный пляж, — сказал он. — Там всегда находится что-нибудь особенное.

— Иди, — сказал Бублик. — А я пока поем. На всякий случай.

Тук побежал к пляжу. Он бежал по тропинке, мимо норки Пипы, мимо маяка, мимо большого камня, на котором любил сидеть Дедушка Клюв. Бежал и думал: «Сегодня. Сегодня я найду что-то особенное. Что-то, что запомнится на все восемь месяцев. Что-то, что будет со мной в океане».

Ракушечный пляж встретил его шумом волн и запахом соли. Песок был ещё прохладный, утренний. Ракушек было видимо-невидимо: белые, серые, полосатые, витые. Тук ходил между ними и смотрел. Обычные ракушки. Красивые, но обычные. Не «самое-самое».

Он уже почти отчаялся, когда увидел её.

В самом углу пляжа, у большого валуна, лежала ракушка. Розовая, гладкая, с завитком, как маленькая лесенка. Она была такая красивая, что Тук остановился и замер.

— Вот ты, — прошептал он.

Он взял ракушку в крыло. Она была прохладная и гладкая, как камешек, обкатанный волнами. Тук приложил её к уху — и услышал море. Не то море, что шумело рядом, а какое-то другое. Далекое. Глубокое. Как будто внутри ракушки был целый океан.

— Это моя счастливая ракушка, — сказал Тук. — С ней я точно не забуду дом. И на фестивале она принесёт мне удачу.

Он положил ракушку в кармашек у крыла. Кармашек был маленький, но ракушка поместилась идеально. Тук похлопал по кармашку — ракушка тихонько стукнула в ответ. Тук-тук. Как будто сказала: «Я здесь. Я с тобой».

— Сегодня отличный день для приключений! — сказал Тук и побежал обратно.

Он бежал и улыбался. Теперь у него было «самое-самое». Теперь фестиваль будет лучшим. Теперь он запомнит этот день на все восемь месяцев. И в океане, когда будет холодно и страшно, он приложит ракушку к уху — и услышит дом.

По дороге он встретил Дедушку Клюва. Дедушка Клюв нёс противень с лепёшками — большой, тяжёлый, и лепёшки на нём подрагивали.

— Тук! — сказал Дедушка Клюв. — Помоги-ка, дружок. Одному не донести.

Тук подскочил и подставил крыло. Вдвоём они понесли противень к площади. Лепёшки пахли так, что у Тука заурчало в животе.

— Красивая ракушка, — сказал Дедушка Клюв, кивнув на кармашек.

— Это моё самое-самое, — сказал Тук гордо. — Я возьму её в океан.

— Хорошая мысль, — сказал Дедушка Клюв. — В океане важно иметь что-то, что напоминает о доме. Я вот всегда беру с собой вот это.

Он показал маленький гладкий камешек, серый, ничем не примечательный.

— Это просто камень, — сказал Тук.

— Это камень с Пуховой площади, — сказал Дедушка Клюв. — Я подобрал его в тот день, когда впервые приле-

тел на этот остров. Много-много лет назад. И с тех пор беру с собой каждый год. Он напоминает мне, что я всегда могу вернуться.

Тук посмотрел на камешек. Потом на свою ракушку. И подумал: а ведь и правда. Не важно, какая вещь. Важно, что она значит.

Они донесли противень до площади. Там уже вовсю шла подготовка: кто-то вешал гирлянды из водорослей, кто-то чинил качели, кто-то спорил, где ставить стол для пикника. Тётя Шторм командовала всеми и кричала, что фестиваль через три дня, а ничего не готово.

Тук оставил Дедушку Клюва с противнем и побежал дальше. Он хотел показать ракушку Пипе. Хотел рассказать про гусей, про осень, про то, что теперь у него есть «самое-самое».

Но по дороге он встретил краба Щипа, который тащил куда-то большую ракушку. Потом Тётю Шторм, которая спросила, готов ли он к гонкам. Потом большую лужу. Потом ещё одну лужу. Потом Бублика, который забыл ему сказать что-то важное — но забыл, что именно.

К Пипе он пришёл только к обеду. Усталый, но счастливый.

Он уже подходил к её норке, когда почувствовал: что-то не так. Кармашек у крыла был лёгким. Слишком лёгким.

Тук похлопал по кармашку. Пусто.

Похлопал ещё раз. Пусто.

Он заглянул внутрь. Потом потряс крылом. Потом остановился.

Он стоял у норки Пипы и не знал, что сказать.

Глава 2. Пипа и карта

Тук стоял у норки Пипы и не мог пошевелиться.

Он уже десять раз представил, как всё будет. Вот он говорит: «Пипа, я потерял ракушку». Пипа поднимает брови. Потом смотрит на него так, как смотрят на тупика, который умудрился потерять собственную голову. Потом говорит: «Как можно было потерять ракушку? Ты же её только что нашёл». И Тук не найдёт что ответить. Потому что ответа у него не было.

Он даже придумал, что скажет в ответ. «Ну, я отвлёкся». Или: «Она сама выпала». Или: «Это всё лужа». Но все эти ответы звучали глупо. Ещё глупее, чем сама потеря.

— Тук? — раздалось из норки. — Ты чего стоишь?

Пипа уже вышла и смотрела на него. В крыле у неё была карта — сложенная вчетверо, с потёртыми краями. Пипа всегда носила её с собой. Даже на завтрак.

— Я… — начал Тук. И замолчал.

— Что случилось? — спросила Пипа. — Ты какой-то… — она поискала слово, — помятый.

Тук посмотрел на свои пёрышки. Они действительно были помятые. Он даже не заметил, как начал их теребить.

— Я потерял свою счастливую ракушку, — сказал он.

И зажмурился.

Сейчас будет смех. Или вздох. Или «ну ты и растяпа». Он

был готов ко всему. Он даже приготовил лицо — такое, будто ему всё равно.

Но Пипа ничего такого не сказала.

Она помолчала. Потом села на камень у входа в норку и похлопала рядом с собой.

— Садись, — сказала она. — Расскажи.

Тук сел. Лапки у него дрожали. Он положил их под себя, чтобы Пипа не заметила.

— Я нашёл её сегодня утром, — сказал он. — На Ракушечном пляже. У большого валуна. Я ходил и смотрел, и уже почти отчаялся, и вдруг — она. Розовая, гладкая, с завитком. Как маленькая лесенка.

Пипа слушала. Не перебивала. Только чуть наклонила голову — так она делала всегда, когда ей было интересно.

— Я приложил её к уху, — продолжал Тук. — И услышал море. Не наше море, а какое-то другое. Далекое. Глубокое. Как будто внутри ракушки был целый океан.

Он замолчал. Пипа тоже молчала. Только море шуршало где-то внизу, у пляжа.

— Я подумал: это моё самое-самое, — сказал Тук тихо. — Я возьму её в океан. Когда будет холодно и страшно, я приложу её к уху — и вспомню дом. Вспомню, что мне есть куда вернуться. Понимаешь?

— Понимаю, — сказала Пипа.

— А потом я пошёл к тебе. И по дороге встретил краба Щипа. Потом Тётю Шторм. Потом лужу. Потом ещё одну лу-

жу. Потом Дедушку Клюва — он попросил помочь с противнем. Я помогал, и кармашек перевернулся. А когда я пришёл, кармашек был пуст.

Тук замолчал. Пипа тоже молчала. Только море шуршало.

— Я знаю, что это глупо, — сказал Тук. — Терять самое-самое. Это глупо.

— Глупо — это когда пытаешься съесть камень, — раздалось из-за спины.

Они обернулись. Бублик стоял на тропинке, и в клюве у него была рыбка. Он жевал её с задумчивым видом, будто всё это время слушал их разговор и решал очень важную задачу.

— Ты подслушивал? — спросил Тук.

— Я не подслушивал, — сказал Бублик, прожевав. — Я мимо шёл. А вы тут громко разговариваете. На весь остров слышно.

Он подошёл ближе и сел рядом на песок. Рыбка в его клюве подозрительно быстро уменьшалась.

— Потерять ракушку — это не глупо, — сказал он. — Это просто потерять ракушку. Вот я вчера потерял рыбку. Она была вот такая, — он показал крылом размер. — Большая. Вкусная. И я её потерял. И ничего. Живой.

— Но это же была просто рыбка, — сказал Тук.

— А у тебя была просто ракушка, — сказал Бублик. — Только ты её сделал счастливой. Сам. В своей голове. Понимаешь?

Тук не понимал.

— Ну смотри, — сказал Бублик. — Ракушка — она и есть ракушка. Гладкая, розовая, с завитком. Мало ли таких на пляже? Но ты сказал: «Это моя счастливая ракушка». И она стала счастливой. Потому что ты так решил. Значит, счастье-то не в ракушке было. А в тебе.

Он снова прожевал рыбку и добавил:

— Наверное. Я не очень в этом разбираюсь. Я больше по рыбкам.

Тук посмотрел на него. Потом на Пипу. Пипа улыбнулась — не насмешливо, а тепло.

— Бублик прав, — сказала она. — Наполовину. Ракушка была твоим самым-самым. И это важно. Но не потому, что она волшебная. А потому, что ты сам решил, что она будет напоминать тебе о доме. И знаешь что?

— Что?

— Ты можешь найти другую. И она тоже станет счастливой. Потому что ты снова так решишь.

Тук задумался. В этом было что-то правильное. Что-то очень правильное. Но всё равно внутри у него что-то сжималось.

— А если я не найду другую? — спросил он. — Если я вообще ничего не найду? Тогда что — лететь в океан без самого-самого?

Пипа покачала головой.

— Не торопись, — сказала она. — Сначала найдём эту.

Она развернула карту. Тук ахнул: он видел её карту мно-

го раз, но каждый раз удивлялся, какая она большая. На ней был весь остров — от Ракушечного пляжа до маяка, от Пуховой площади до дальней бухты. И ещё много маленьких пометок, сделанных аккуратным Пипиным почерком.

— Давай по порядку, — сказала Пипа. — Ты нашёл ракушку утром на пляже. Потом пошёл ко мне. По какой дороге?

Тук задумался. Он попытался вспомнить. Утро казалось таким далёким, будто было вчера.

— Сначала по пляжу, — сказал он. — Потом мимо норки краба Щипа. Потом через лужу. Потом ещё через одну лужу. Потом мимо большого камня, где сидит Дедушка Клюв. Потом через площадь. И к тебе.

Пипа кивала и ставила на карте маленькие точки. Одна. Две. Три. Четыре. Пять.

— Пять мест, — сказала она. — Где ты мог её потерять. Начнём с пляжа. Это самое вероятное.

— Почему? — спросил Тук.

— Потому что ты там её нашёл, — сказала Пипа. — И потому что ты там прыгал через камни. Когда прыгаешь, всё вылетает из кармашков. Я проверяла.

— Она проверяла, — подтвердил Бублик. — Я видел. Она прыгала через камни, и у неё вылетел карандаш.

— Бублик, — сказала Пипа.

— Что? Я помогаю.

Тук впервые за всё утро улыбнулся.

— Ладно, — сказала Пипа и сложила карту. — План такой. Идём на пляж. Ищем ракушку. Если не находим — идём к крабу Щипу. Если и там нет — к Тёте Шторм. Потом к лужам. Потом к Дедушке Клюву. Всё понятно?

— Понятно, — сказал Тук.

— А я? — спросил Бублик.

— А ты идёшь с нами, — сказала Пипа. — Ты будешь смотреть под камни. У тебя клюв большой, тебе удобно.

Бублик важно кивнул.

— Я всегда знал, что мой клюв пригодится, — сказал он.

Они пошли на пляж втроём. Солнце уже поднялось высоко, и песок стал тёплым. Тук смотрел под ноги и думал: а вдруг ракушка прямо здесь? Вдруг она лежит, розовая и гладкая, и ждёт его?

Но ракушки не было.

Они прошли весь пляж — от большого валуна до самой кромки воды. Они заглянули под каждый камень, раздвинули каждую травинку. Бублик даже сунул клюв в одну норку, и оттуда выскочил возмущённый краб.

— Извините, — сказал Бублик. — Я думал, вы ракушка.

Краб что-то проворчал и скрылся.

Ракушки не было.

— Ладно, — сказала Пипа. — Пляж чист. Идём к Щипу.

Они свернули с пляжа на тропинку. И тут Тук остановился.

На песке, у самой тропинки, были следы. Маленькие, ча-

стые, будто кто-то семенил боком. Следы вели в сторону норы краба Щипа. И рядом с ними — тонкая полоска, будто что-то тащили по песку.

— Смотрите, — сказал Тук.

Пипа присела и посмотрела.

— Это следы краба, — сказала она. — Свежие. Утренние.

— И он что-то тащил, — сказал Бублик. — Вон, полоска.

Тук посмотрел на полоску. Потом на Пипу. Потом на Бублика.

— Думаете, это он? — спросил он. — Думаете, Щип нашёл мою ракушку?

Пипа выпрямилась и посмотрела в сторону норы краба.

— Не знаю, — сказала она. — Но следы ведут прямо туда. Пойдём и спросим.

Они пошли по следам. А следы всё вились и вились, и вели прямо к норе краба Щипа.

Глава 3. Нора краба Щипа

Нора краба Щипа была не похожа на другие норы на острове.

Тупики рыли свои норки в мягком песке, у самого берега. А Щип выкопал свою под большим камнем, у тропинки, и обложил вход ракушками — ровно, как кирпичиками. Над входом висела табличка, сделанная из щепки: «ПОЧТА. КРАБ ЩИП. СТУЧАТЬ ТРИ РАЗА».

Тук стукнул три раза.

— Кто там? — раздалось изнутри.

— Это Тук. И Пипа. И Бублик.

— Все трое? — недовольно переспросили из норы. — У меня обед.

— Щип, это важно, — сказала Пипа.

За дверью что-то зашуршало. Потом загремело. Потом послышалось ворчание, будто кто-то спорил сам с собой. Наконец дверь приоткрылась, и в щели показалась недовольная крабья физиономия в почтальонской фуражке.

— Чего надо? — спросил Щип.

— Мы ищем ракушку, — сказал Тук. — Розовую, с завитком. Я потерял её утром.

— У меня нет ракушек, — отрезал Щип. — У меня почта.

— Но следы ведут к твоей норе, — сказала Пипа. — Мы видели. Свежие следы. И полоска, будто ты что-то тащил.

Щип посмотрел на неё. Потом на Тука. Потом на Бублика, который как раз жевал рыбку и делал вид, что он тут ни при чём.

— Следы, — проворчал Щип. — Следы. Все всегда видят следы. Никто не видит, как я работаю. Как я таскаю письма с утра до ночи. Как у меня спина болит.

— Щип, — сказала Пипа мягко. — Мы не проверять тебя пришли. Мы помочь.

Щип помолчал. Потом вздохнул так тяжело, будто на нём был весь остров.

— Ладно, — сказал он. — Заходите. Только не топчитесь.

Они вошли.

Внутри норы было тесно, но аккуратно. На полках лежали письма, перевязанные водорослями. В углу стояла кружка с карандашами. А на стене висела карта острова — не такая красивая, как у Пипы, но с пометками.

— Ух ты, — сказал Бублик. — У тебя тут как в настоящей почте.

— Это и есть настоящая почта, — сказал Щип. — Я тридцать лет разношу письма. Тридцать лет. И никто ни разу не сказал спасибо.

— Спасибо, — сказал Тук.

Щип посмотрел на него. Потом отвернулся.

— Ладно, — буркнул он. — Чего вы хотели?

— Ракушку, — сказал Тук. — Розовую. С завитком.

— И что я с ней делал бы?

— Мы думали, ты её нашёл, — сказала Пипа. — И тащил к себе.

Щип фыркнул.

— Я не тащу всё, что нахожу, — сказал он. — Я тащу то, что потеряли. Это разные вещи.

— То есть ты находишь потерянное? — спросил Тук.

— Я нахожу то, что потеряли другие, — сказал Щип. — И возвращаю. Это моя работа. Не только письма. Всё, что теряют на острове, в конце концов оказывается у меня.

Он подошёл к дальней стене, где висела плотная занавеска из водорослей. Отдёрнул её — и Тук ахнул.

За занавеской был целый коридор. Длинный, узкий, уходящий вглубь. А по стенам — полки. Полки от пола до потолка. И на каждой полке — вещи. Много-много вещей.

— Это моё хранилище, — сказал Щип. — Хранилище потеряшек.

Тук шагнул вперёд.

На полках лежало всё, что только можно себе представить. Камешки, ракушки, пуговицы, ленточки, пёрышки, палочки, обломки чего-то непонятного, один ботинок — левый, без пары, чей-то гребешок, чья-то ложка. В углу стояла корзина с перчатками. В другой корзине лежали шляпы. На верхней полке сиротливо висела одинокая блестящая бусина.

— Тут что, весь остров? — прошептал Бублик.

— Почти, — сказал Щип. — Я тридцать лет собираю. Всё, что кто-нибудь потерял. Всё, что никто не пришёл искать.

Тук медленно шёл вдоль полок. Он узнавал вещи. Вот пёрышко — точно такое же было у Тёти Шторм. Вот камешек — почти такой же, как у Дедушки Клюва. Вот стеклянный шарик, обкатанный волнами. Точно такой же, как у него самого.

— И часто теряют? — спросил он.

— Каждый день, — сказал Щип. — Утром теряют, днём теряют, вечером теряют. Ты думаешь, ты один такой?

Тук не ответил.

Он смотрел на полки и думал. Думал про то, что вот он боялся признаться. Боялся, что все скажут: «Как можно было потерять ракушку? Это же глупо». А тут, в этой норе, были сотни вещей. Сотни потерянных вещей. И за каждой стоял кто-то, кто тоже потерял. Кто тоже боялся. Кто тоже не пришёл искать.

— Тут есть вещи, которые никто не искал? — спросил он тихо.

— Половина, — сказал Щип. — Может, больше.

— Почему?

— Потому что стыдно, — сказал Щип. — Люди не приходят, когда им стыдно. Они думают: «Ой, я потерял, как глупо». И не приходят. А вещь лежит. Ждёт.

Тук посмотрел на розовую ракушку в своей голове. Ту самую. С завитком, как маленькая лесенка. Он представил, как она лежит где-то здесь, на полке, среди чужих потеряшек. Одна. Забытая. Никто не приходит.

— Щип, — сказал он. — А ты не находил розовую ракушку? С завитком? Я потерял её сегодня утром.

Щип задумался. Он подошёл к одной полке, потом к другой, потом к третьей. Провёл клешнёй по камешкам, по ракушкам, по бусинам.

— Розовую, говоришь? — пробормотал он. — С завитком?

— С завитком, — подтвердил Тук.

— Нет, — сказал Щип. — У меня такой нет.

У Тука упало сердце.

— Но, — сказал Щип, — я её видел.

Все трое уставились на него.

— Где? — спросил Тук.

Щип почесал клешнёй фуражку.

— Утром, — сказал он. — Я шёл с почтой. И видел, как Тётя Шторм кружила над пляжем. А потом села. И что-то подобрала. Розовое. С завитком. Я ещё подумал: «Красивая».

И пошёл дальше.

— Тётя Шторм? — переспросила Пипа. — Чайка?

— Чайка, — кивнул Щип. — Она вечно всё подбирает. Говорит, что для гнезда. А потом выбрасывает. У неё в гнезде на маяке целая коллекция.

Тук посмотрел на Пипу. Пипа посмотрела на Тука.

— Значит, ракушка у Тёти Шторм? — спросил Тук.

— Похоже на то, — сказал Щип. — Но я бы на твоём месте не радовался. Тётя Шторм — она… — он поискал слово, — …с характером.

— Что это значит? — спросил Бублик.

— Это значит, что она не любит отдавать то, что нашла, — сказал Щип. — Даже если это не её.

Тук вздохнул. Ну конечно. Конечно, ракушка у чайки с характером. Почему бы и нет.

— Спасибо, Щип, — сказала Пипа. — Ты очень помог.

— Я всегда помогаю, — проворчал Щип. — Просто никто не замечает.

Они уже выходили из норы, когда Щип окликнул их:

— Эй!

Все обернулись.

— Если найдёте, — сказал Щип, — скажите ей, что я всё вижу. Пусть вернёт. Или пусть принесёт в хранилище. У меня для неё полка есть.

— Обязательно, — сказала Пипа.

Они вышли на тропинку. Солнце уже клонилось к западу.

На Пуховой площади всё ещё стучали молотком, но теперь к этому звуку добавлялись голоса — кто-то пел, кто-то смеялся, кто-то кричал, что гирлянда висит криво.

— Ну что, — сказала Пипа. — Идём к Тёте Шторм?

— Идём, — сказал Тук.

— А если она не отдаст? — спросил Бублик.

— Тогда придумаем что-нибудь, — сказала Пипа. — У нас же есть план.

— У нас был план на пять точек, — сказал Бублик. — А теперь появилась шестая.

— Значит, будет шесть точек, — сказала Пипа. — Планы меняются. Это нормально.

Тук посмотрел на неё. И вдруг почувствовал, что ему стало легче. Не потому, что ракушка нашлась. А потому, что он был не один. И потому, что Щип — ворчливый, недовольный Щип — оказался не таким уж страшным. И потому, что в хранилище потеряшек он увидел: теряют все. И это не глупо. Это просто жизнь.

— Спасибо, Пипа, — сказал он.

— За что?

— За то, что ты не смеёшься.

Пипа посмотрела на него и улыбнулась.

— Я никогда не смеюсь над такими вещами, — сказала она. — Я смеюсь только над Бубликом.

— Эй! — возмутился Бублик.

— Шучу, — сказала Пипа. — Идёмте. Тётя Шторм уже

на площади.

И они пошли к площади. А там, среди гирлянд и лепёшек, среди тупиков и чаек, уже мелькал большой серый шарф.

Глава 4. Тётя Шторм на площади

Тётю Шторм они нашли у качелей.

Она стояла, уперев крылья в бока, и руководила. Двое молодых тупиков пытались повесить гирлянду из водорослей между двумя столбами. Гирлянда провисала. Тётя Шторм говорила, что провисает слишком сильно. Тупики подтягивали. Тогда гирлянда натягивалась слишком сильно. Тётя Шторм говорила, что теперь она похожа на струну, а не на гирлянду.

— Выше! — командовала она. — Нет, ниже! Нет, выше и ниже одновременно! Неужели это так сложно?

Тук, Пипа и Бублик подошли и остановились в сторонке.

— Может, подождём, пока она закончит? — прошептал Бублик.

— Она никогда не заканчивает, — прошептала Пипа. — Она всегда чем-то руководит.

— Тогда идём сейчас, — сказал Тук.

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Потом остановился.

— Тётя Шторм? — позвал он.

Чайка обернулась. У неё были выразительные брови — такие, которыми можно управлять погодой. Сейчас они поднялись высоко-высоко.

— Тук! — сказала она. — Как хорошо, что ты пришёл.

Скажи этим дятлам — нет, не дятлам, у нас тут нет дятлов — скажи этим тупикам, что гирлянда должна висеть ровно!

— Тётя Шторм, — сказал Тук. — У меня к вам дело.

— Дело? — Брови Тёти Шторм опустились. — Какое дело? У нас фестиваль через три дня. Тут всё не готово. Гирлянда провисает. Качели скрипят. Лепёшки остывают. Какие ещё могут быть дела?

— Важное, — сказала Пипа.

Тётя Шторм посмотрела на неё. Потом на Бублика. Потом снова на Тука.

— Ну, — сказала она. — Говори.

Тук набрал в грудь воздуха.

— Я потерял ракушку, — сказал он. — Розовую, с завитком. И краб Щип сказал, что видел, как вы её подобрали утром на пляже.

Тишина.

Тётя Шторм смотрела на него. Её брови медленно опускались. Потом поднимались. Потом снова опускались. Как будто она решала, какое выражение лица выбрать.

— Ракушку? — переспросила она. — Какую ракушку?

— Розовую, — сказал Тук. — С завитком. Она моя счастливая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.